Договорная свобода и ее пределы в условиях цифровизации гражданско-правовых отношений

Ветрова Юлия Сергеевна,
секретарь судебного заседания, Заельцовский районный суд города Новосибирска, yuliavetrov@yandex.ru

Цифровая среда изменила способы согласования, фиксации и исполнения договорных условий, передав часть регулятивных функций программному коду, интерфейсам и правилам платформ. Предмет статьи составляет соотношение договорной свободы с правовыми, организационными и технологическими ограничениями, возникающими при электронной торговле, дистанционном совершении сделок и автоматизированном исполнении обязательств. Цель работы состоит в определении критериев допустимости таких ограничений. Сопоставлены положения гражданского законодательства, акты высших судов, нормы о защите потребителей, информации, персональных данных, электронной подписи, цифровых финансовых активах и платформенной экономике, а также русскоязычные научные публикации 2022–2025 гг. Использованы сравнительный, классификационный и логико-аналитический методы, обобщение и синтез. Установлено, что цифровизация не отменяет содержание принципа свободы договора, но изменяет источники фактического воздействия на волю сторон. Предложена классификация ограничений по их происхождению, механизму действия и охраняемому интересу. Допустимость цифрового ограничения связана с его прозрачностью, правовым основанием, соразмерностью, проверяемостью волеизъявления и доступностью восстановления нарушенного права. Результаты применимы при разработке платформенных соглашений, смарт-контрактов и разрешении споров об электронных сделках.

Ключевые слова: свобода договора, цифровые платформы, электронная сделка, смарт-контракт, договор присоединения, слабая сторона, автоматизированное исполнение, электронная торговля, цифровое волеизъявление, пределы договорной автономии.

Введение

Свобода договора закрепляет возможность самостоятельно решать вопрос о вступлении в обязательственное отношение, выбирать контрагента и договорную модель, определять условия сделки и способы ее исполнения. В цифровой среде эти правомочия реализуются через электронные формы, пользовательские интерфейсы, автоматические настройки, алгоритмы ранжирования и программно заданные операции. Юридически участник сохраняет право выбора, однако перечень доступных действий формирует владелец информационной системы или оператор платформы. Условие может быть выражено в тексте договора, скрыто в последовательности экранов либо встроено в код, который исключает исполнение, отличающееся от запрограммированного сценария.

Российское гражданское законодательство содержит общие средства контроля договорного неравенства. Пункты 1 и 2 статьи 1, статьи 9, 10, 421 и 422 ГК РФ связывают частную автономию с добросовестностью, обязательными предписаниями закона и запретом злоупотребления правом. Статьи 426 и 428 ГК РФ ограничивают усмотрение стороны, определяющей стандартные условия, а нормы о защите потребителей корректируют информационное и переговорное неравенство. Эти положения создавались применительно к договорам, содержание которых можно прочитать, сопоставить и обсудить. Цифровое взаимодействие добавило ограничения, которые действуют через устройство технической среды и потому не всегда распознаются как договорные условия.

Цель исследования состоит в установлении содержания и критериев допустимости ограничений договорной свободы, возникающих при цифровизации гражданско-правовых отношений. Для ее достижения решаются три задачи: определить, какие элементы договорной автономии изменяются под воздействием электронных способов заключения и исполнения сделок; классифицировать цифровые ограничения по источнику, механизму действия и охраняемому интересу; сформулировать направления применения гражданско-правовых способов защиты к платформенным соглашениям и автоматизированным договорам.

Научная новизна выражена в разграничении нормативных, платформенно-договорных и технологических пределов свободы договора. Для оценки их допустимости предложено учитывать совокупность признаков: наличие правового или согласованного основания, доступность условия до выражения согласия, возможность установить содержание и автора волеизъявления, соразмерность ограничения охраняемому интересу, а также наличие процедуры пересмотра либо компенсационного восстановления права.

Материалы и методы

Источниковую основу составили публикации, раскрывающие изменение договорного регулирования под влиянием цифровых технологий. В.А. Болдырев и В.А. Максимов [1] проследили эволюцию свободы договора в условиях информатизации и изменение ее значения для правоприменения. Квалификационные признаки слабой стороны цифрового гражданского правоотношения исследованы А.А. Волосом [2], тогда как в другой работе этого автора [3] сопоставлены традиционные пределы договорной свободы с ограничениями цифровой среды. О.В. Жевняк [4] рассмотрела платформу как систему рыночных отношений и предложила элементы ее договорно-

правового режима. С.С. Кузнецова [5] связала использование смарт-контрактов с рисками для автономии личности, защиты прав и персональных данных. Е.Ю. Матвеева [6] раскрыла правовую природу смарт-контракта и его место среди электронных способов оформления и исполнения обязательств. Разделение волеобразования и волеизъявления при заключении платформенных договоров проведено Д.С. Петровой [7]. Т.А. Савельева [8] систематизировала дистанционные способы совершения сделок и возникающие при них риски. О.В. Сергеева [9] исследовала сочетание государственного и частного нормотворчества в электронной торговле. Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева [10] сосредоточились на изменении и расторжении смарт-контракта, исполнение которого обеспечивается программным кодом. Библиографические сведения и содержание публикаций подтверждаются карточками журналов и научных репозиториев.

Анализ научных публикаций использован для выделения конкурирующих представлений о цифровой договорной автономии. Сравнение нормативных положений позволило соотнести общие правила ГК РФ со специальным регулированием электронной торговли, платформ и автоматизированного исполнения. Посредством классификации цифровые ограничения распределены по источникам и способам воздействия на участника, логико-аналитический метод применен для проверки их совместимости с содержанием статьи 421 ГК РФ, обобщение и синтез – для формирования критериев допустимости и направлений правоприменения.

Результаты

Свобода договора в российском праве охватывает несколько связанных решений. Участник определяет, заключать ли договор, с кем вступать в правоотношение, использовать поименованную, смешанную либо непоименованную конструкцию и какие условия включить в соглашение. Пункт 4 статьи 421 ГК РФ оставляет содержание условий на усмотрение сторон, если закон или иной правовой акт не предписывает иной вариант. Статья 422 ГК РФ подчиняет договор императивным нормам, действующим в момент его заключения, а статьи 1 и 10 ГК РФ ограничивают осуществление договорных прав требованиями добросовестности и запретом злоупотребления. Конституционное основание этой модели образуют статьи 8, 34 и 35 Конституции РФ, гарантирующие свободу экономической деятельности и охрану собственности, тогда как часть 3 статьи 55 допускает законодательные ограничения прав для защиты конституционно значимых интересов.

Договорная автономия изначально не имела абсолютного характера. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» связывает квалификацию нормы как императивной с ее текстом, целями регулирования, защитой особо значимых интересов и предотвращением грубого нарушения баланса сторон. Несправедливое условие может быть нейтрализовано через статьи 10, 168 и 428 ГК РФ, даже когда формального запрета на его включение нет. Конституционный Суд РФ в постановлениях от 3 апреля 2023 г. № 14-П и от 2 июля 2024 г. № 34-П раскрыл защитную функцию статьи 428 ГК РФ применительно к договорам, содержание которых одна сторона определяет без реальной возможности обсуждения другой стороной. Информатизация не создала эту проблему, но расширила масштаб стандартизированного заключения договоров и усложнила выявление условий, определяющих положение присоединившегося лица [1; 3]. Действующая редакция статьи 421 ГК РФ сохраняет усмотрение сторон за пределами прямо предписанного содержания договора.

Электронная сделка остается результатом согласования воль, однако воля выражается посредством действий, заранее предусмотренных информационной системой. Кнопка подтверждения, код из сообщения, отметка в поле интерфейса, оплата заказа или иное конклюдентное действие приобретают юридическое значение в сочетании с правилами платформы и технической записью операции. Часть договорного содержания перемещается из текста в архитектуру взаимодействия. Пользователь не выбирает произвольный способ акцепта, очередность действий, перечень доступных условий или момент запуска исполнения, эти параметры устанавливает разработчик системы, хотя их последствия относятся к договору между пользователем, платформой, продавцом или исполнителем.

Пределы свободы договора в цифровой среде образуют три уровня. Первый представлен нормативными ограничениями, установленными ГК РФ, Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», федеральными законами от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 152-ФЗ «О персональных данных», от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и иными актами, пределы имеют публично признанное основание и защищают участников оборота, третьих лиц, устойчивость рынка, персональные данные и достоверность юридически значимых действий.

Второй уровень составляют платформенно-договорные ограничения. Оператор определяет требования к регистрации, допуску товаров и услуг, расчетам, продвижению, рейтингу, блокировке учетной записи, изменению тарифов и рассмотрению претензий. Эти правила приобретают обязательность через договор присоединения, пользовательское соглашение, оферту или отдельный договор с партнером. Их источник имеет частный характер, но воздействие выходит за пределы обычной координации двух контрагентов, поскольку платформа одновременно организует рынок, устанавливает условия доступа и контролирует техническую возможность исполнения [4; 9]. Возникает частный регулятивный порядок, внутри которого договорная свобода пользователя зависит от правил, созданных другим участником отношений.

Третий уровень охватывает технологические ограничения. Программный код допускает одни действия и блокирует другие, автоматически рассчитывает цену, определяет последовательность исполнения, прекращает доступ после наступления заданного события или переводит цифровой актив без дополнительной команды, ограничение может быть предусмотрено договором, вытекать из технического стандарта либо возникнуть из-за несоответствия кода согласованным условиям. В последнем случае техническая невозможность и юридический запрет расходятся, система не разрешает действие, которое закон и договор допускают. Технологический предел нельзя считать самостоятельным основанием ограничения гражданского права, поскольку программное решение приобретает юридическое значение через норму закона, соглашение сторон или фактический состав исполнения.

Различие между волеобразованием и волеизъявлением выявляет наиболее уязвимую часть платформенной сделки. Волеизъявление фиксируется технически точно: система сохраняет время нажатия кнопки, идентификатор учетной записи, сведения об устройстве и совершенной операции. Волеобразование зависит от того, какие сведения были доступны до этого действия, как интерфейс представил альтернативы, имелась ли возможность прочитать условия и понимал ли пользователь последствия выбранной команды [7]. Без проверки информационной

среды запись о нажатии подтверждает внешнее действие, но не разрешает вопрос о содержании выраженной воли.

Статья 160 ГК РФ признает письменную форму соблюденной, когда электронные или иные технические средства позволяют воспроизвести содержание сделки в неизменном виде, а примененный способ дает возможность достоверно определить лицо, выразившее волю. Пункты 2 и 3 статьи 434 ГК РФ допускают заключение договора путем обмена электронными документами и иными данными, статья 438 связывает акцепт с ответом либо совершением действий по выполнению условий оферты. Федеральный закон № 63-ФЗ регулирует виды электронной подписи и условия признания подписанного ею электронного документа. Эти нормы решают вопросы формы и атрибуции, однако соблюдение письменной формы само по себе не подтверждает осведомленность лица обо всех условиях.

Юридически полноценное цифровое волеизъявление предполагает доступность текста договора до акцепта, возможность сохранить или воспроизвести соответствующую редакцию, однозначную связь действия с конкретными последствиями и доказуемость примененной процедуры идентификации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» позволяет оценивать поведение сторон, переписку, сложившуюся практику и иные обстоятельства заключения соглашения. Применительно к цифровой сделке предметом оценки становится не отдельный электронный документ, а совокупность оферты, версии пользовательских правил, интерфейса, технического действия и подтверждения операции. Классификация дистанционных сделок, предложенная Т.А. Савельевой, показывает общность рисков технического сбоя, неравного доступа к информации и затрудненной идентификации при различии используемых каналов связи [8].

Стандартизация платформенных соглашений усиливает разрыв между формальной и содержательной свободой. Пользователь вправе отказаться от договора, но не участвует в составлении его условий. Статья 428 ГК РФ допускает изменение или расторжение договора присоединения, если он лишает присоединившуюся сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность составителя либо содержит явно обременительные условия. Пункт 3 этой статьи распространяет защитный механизм на договоры, в которых неравенство переговорных возможностей фактически исключило согласование отдельных положений. Цифровой формат облегчает доказывание стандартности текста, но усложняет установление того, какие условия были доступны в момент заключения и могла ли сторона повлиять на них.

Квалификация лица как слабой стороны не должна автоматически вытекать из самого факта использования цифровой технологии. А.А. Волос связывает слабость с конкретным отношением и невозможностью полноценно осуществить либо защитить гражданское право вследствие информационного, организационного, экономического или технологического неравенства [2]. Потребитель обладает специальным статусом по закону, тогда как предприниматель, правообладатель или партнер платформы может оказаться зависимым от инфраструктуры, рейтинга, доступа к аудитории и данных, не превращаясь из-за этого в потребителя. Для применения защитных средств требуется установить, какое договорное правомочие было ограничено, каким ресурсом контролировала другая сторона и почему обычные способы согласования либо защиты не компенсировали возникшее неравенство.

Платформа объединяет несколько договорных связей. Пользователь может заключать соглашение с оператором об использовании сервиса и отдельный договор с продавцом или исполнителем, оператор – договоры с партнерами, платежными организациями и владельцами пунктов выдачи. О.В. Жевняк обосновывает учет экономической функции платформы при выборе ее правового режима, включая применение конструкций договора присоединения и, в определенных моделях открытого доступа, правил о публичном договоре [4]. О.В. Сергеева рассматривает электронную торговлю как пространство взаимодействия государственных норм и правил, создаваемых платформами и участниками бизнес-сообщества, связывая достижение баланса интересов с императивным регулированием ключевых отношений [9]. Эти позиции дополняет анализ Д.С. Петровой, поскольку установленный платформой порядок заключения сделки воздействует на формирование решения пользователя еще до юридически значимого акцепта [7]. Категория слабой стороны позволяет оценить результат воздействия применительно к определенному участнику, не объявляя любое стандартное условие несправедливым [2].

Защита потребителя в электронной торговле опирается на статьи 8–12, 16 и 26.1 Закона № 2300-1. Продавец обязан предоставить сведения, позволяющие сделать осознанный выбор, условия, ущемляющие права потребителя по сравнению с законом, не подлежат применению, а при дистанционной продаже действует специальный порядок информирования и отказа от товара. Владелец агрегатора отвечает за убытки, вызванные предоставлением недостоверной или неполной информации о товаре, услуге, продавце или исполнителе, если выполнены предусмотренные законом условия. Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи утверждены постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 и конкретизируют подтверждение заказа, передачу информации и возврат денежных средств. Договорная свобода продавца и оператора в этой сфере ограничена до заключения договора, поскольку закон регулирует содержание предложения, способ доведения сведений и техническую возможность реализации потребительских прав.

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» формирует специальную модель договорных отношений операторов посреднических цифровых платформ, партнеров и владельцев пунктов выдачи заказов. По состоянию на август 2026 г. закон принят и официально опубликован, но вступит в силу 1 октября 2026 г., поэтому его положения характеризуют ближайшее изменение нормативной конструкции. Статья 5 предусматривает электронную форму договора и закрепление в нем условий о расчетах, ответственности, мерах воздействия, рассмотрении обращений, рейтингах, ранжировании и иных элементах платформенного взаимодействия. Статья 12 связывает одностороннее изменение наиболее чувствительных условий с предварительным уведомлением за 45 дней, для других изменений установлен пятнадцатидневный срок. Статья 14 вводит встроенную систему рассмотрения жалоб и пятнадцатидневный срок направления ответа.

Будущее платформенное регулирование переводит часть фактических ограничений в юридически проверяемую форму. Комиссия, санкция, изменение порядка доставки, понижение рейтинга или ограничение доступа перестают быть исключительно результатом внутреннего технического решения оператора, когда закон требует закрепить основание в договоре, сообщить об изменении и предоставить канал обжалования. Свобода оператора сохраняется в выборе бизнес-модели и конкретных условий,

но их воздействие на зависимого участника ограничивается процедурами предсказуемости и пересмотра. Этот подход соответствует выводу о транспарентности как основном критерии адаптации договорного права к цифровой среде [3] и развивает предложенную в литературе модель сочетания частной инициативы с императивными гарантиями электронной торговли [4; 9].

Одностороннее изменение цифрового соглашения оценивается через статьи 310, 428 и 450.1 ГК РФ. Наличие в пользовательских правилах полномочия оператора обновлять условия не освобождает его от соблюдения закона, добросовестности и договорной процедуры. Формальное размещение новой редакции на сайте не доказывает, что контрагент был уведомлен способом, позволяющим соотнести изменение с конкретным договором и определить момент его действия. Для условий, ухудшающих положение присоединившейся стороны, имеют значение срок предупреждения, возможность прекратить отношение без несоразмерных потерь, сохранение доступа к сведениям о прежней редакции и основания, по которым изменение распространяется на ранее возникшие обязательства.

Алгоритмическое ранжирование и персонализация воздействуют на выбор иначе, чем прямой договорный запрет. Пользователь сохраняет возможность заключить сделку с другим контрагентом, однако видит предложения в последовательности, определенной платформой на основе рейтинга, оплаты продвижения, характеристик профиля и иных параметров. Для партнера позиция в выдаче влияет на доступ к потенциальным контрагентам, а изменение алгоритма способно изменить экономическое значение неизмененного текста договора. Правовая оценка требует разграничивать обычную организацию сервиса, допустимую персонализацию и непрозрачное воздействие, которое препятствует осознанному выбору либо создает необоснованное преимущество.

Использование персональных данных при формировании предложения подчинено Федеральному закону № 152-ФЗ. Согласие на обработку данных и согласие на заключение договора выполняют разные функции, даже если выражаются одной последовательностью действий. Первое легализует обработку в пределах указанных целей, второе создает гражданские права и обязанности. Объединение этих решений в интерфейсе не устраняет требования к конкретности и информированности каждого волеизъявления. Условие договора о предоставлении данных также проверяется по статье 16 Закона № 2300-1, нормам о добросовестности и правилам соответствующего договорного типа, если отказ от избыточной обработки фактически исключает получение основной услуги.

Автоматизированное исполнение отделяет момент согласования от последующей реализации договорной программы. Часть 2 статьи 309 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, разрешает предусмотреть исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения определенных условиями сделки информационных технологий. Норма признает юридический эффект автоматизации, но связывает ее с первоначальным соглашением: стороны выбирают технологию, обстоятельства запуска и обязательства, подлежащие исполнению. Программный код реализует предусмотренный сценарий.

Научные подходы к правовой природе смарт-контракта различаются по тому, какой элемент выдвигается на первый план. Е.Ю. Матвеева рассматривает его связь с электронной формой, распределенным реестром и специальными договорными конструкциями [6]. С.С. Кузнецова анализирует смарт-контракт через влияние автоматизации на свободу договора, возможность защиты права и обработку персональных данных [5]. Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева указывают на затруднения изменения и расторжения отношения, когда исполнение закреплено неизменяемой программной последовательностью [10]. А.А. Волос соотносит технологическое исполнение с общими принципами договорного права и пределами частной автономии [3]. Совместное рассмотрение этих позиций позволяет разделить соглашение, программное условие и техническую операцию. Соглашение определяет права и обязанности, код переводит часть условий в машиноисполняемую форму, операция изменяет фактическое либо юридическое положение участников.

Трехэлементная конструкция устраняет ложный выбор между признанием смарт-контракта самостоятельным договором и сведением его к нейтральному программному инструменту. Один и тот же код может обслуживать куплю-продажу цифрового актива, расчет, лицензионное отношение или иное обязательство. Его правовая квалификация зависит от соглашения и применимых норм, а технические свойства определяют способ исполнения и распределение рисков. Федеральный закон № 259-ФЗ использует автоматизированные операции в информационной системе учета цифровых финансовых активов, сохраняя требования к основанию сделки, правилам системы и субъектам распоряжения. Экспериментальные правовые режимы, предусмотренные Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, допускают апробацию цифровых решений в специально установленных границах, но не создают общего исключения из принципов гражданского законодательства.

Неизменяемость записи или автоматичность операции не исключают применения статей 166–181, 450, 450.1 и 453 ГК РФ. Недействительность сделки, существенное нарушение договора, согласованное расторжение или правомерный односторонний отказ сохраняют юридическое значение, даже когда техническая система не способна вернуть состояние реестра к прежней записи. В такой ситуации восстановление осуществляется последующей обратной операцией, возвратом имущества, взысканием денежных средств, убытков либо применением иных последствий, предусмотренных законом и договором. Техническая необратимость меняет способ защиты, но не превращает исполненный код в акт, превосходящий юридическую силу соглашения и императивных норм [5; 10].

Риск несоответствия кода тексту договора требует распределения до начала автоматизированного исполнения. Стороны могут определить юридически приоритетную версию условия, порядок проверки программного модуля, последствия ошибочных внешних данных, процедуру временной остановки и лицо, отвечающее за обновление системы. Отсутствие таких положений переносит спор в область толкования договора, причинной связи и ответственности за ненадлежащее исполнение. Если код разработан или контролируется одной стороной и предъявлен другой без возможности проверки, неопределенность не должна автоматически возлагаться на участника, который не располагал доступом к технической документации и средствам влияния на программную реализацию.

Цифровые ограничения различаются по механизму воздействия. Запретительные ограничения исключают определенную сделку или условие на основании императивной нормы. Стандартизирующие ограничения оставляют возможность принять либо отвергнуть заранее подготовленный договор без согласования его отдельных положений. Информационные ограничения влияют на решение через объем, порядок и форму представления сведений. Конфигурационные ограничения задают перечень действий, доступных в интерфейсе. Автоматические ограничения связывают наступление последствий с данными

или событиями без нового волеизъявления. Односторонние платформенные меры изменяют цену, рейтинг, доступ или иное положение участника по решению оператора. Один механизм может сочетаться с другим: автоматическая блокировка одновременно реализует договорное условие, технический алгоритм и частное решение о допустимом поведении.

По охраняемому интересу выделяются ограничения, направленные на защиту самого участника, контрагента, третьих лиц и публично значимых благ. Потребительское регулирование компенсирует недостаток информации и переговорных возможностей. Требования к идентификации и электронной подписи охраняют достоверность волеизъявления. Нормы о персональных данных защищают частную жизнь и информационное самоопределение. Антимонопольные запреты препятствуют использованию рыночной власти для устранения конкуренции. Ограничения оборота отдельных цифровых объектов поддерживают устойчивость финансовой и информационной инфраструктуры. Охраняемый интерес определяет допустимую интенсивность вмешательства: защита от доказанного риска допускает более существенное ограничение, чем стремление платформы упростить внутренний процесс.

Проверка допустимости цифрового ограничения включает пять взаимосвязанных операций. Сначала устанавливается его источник: закон, договор, правила информационной системы, решение оператора либо программный код. Затем определяется, мог ли участник ознакомиться с условием до выражения воли и понять его юридическое последствие. Третья операция состоит в проверке принадлежности волеизъявления и соответствия технической команды согласованному содержанию. Далее ограничение сопоставляется с охраняемым интересом по характеру и интенсивности воздействия. Завершающая операция выявляет возможность оспаривания, отмены, приостановления или компенсационного восстановления права.

Прозрачность имеет в этой модели предметное содержание. Она требует доступности действующей редакции условий, фиксации даты изменения, раскрытия юридически значимых факторов автоматического решения, уведомления затронутого участника и сохранения доказательств совершенной операции. Раскрытие исходного программного кода требуется не во всех отношениях. Для реализации и защиты договорного права достаточно информации, позволяющей установить правило, использованные данные, наступившее последствие и предусмотренный способ пересмотра. Избыточное раскрытие может затронуть коммерческую тайну и безопасность системы, поэтому объем предоставляемых сведений соотносится с предметом спора.

Судебная оценка электронной сделки не может ограничиваться распечаткой пользовательского соглашения, представленной оператором на дату разбирательства. Юридическое значение имеют редакция, действовавшая в момент акцепта, способ ее размещения, последовательность действий пользователя, направленные уведомления, технический журнал операции и правила, по которым система сформировала спорное последствие. Такая реконструкция не создает особого цифрового состава договора. Она позволяет применить статьи 431, 432, 434, 438 и 428 ГК РФ к доказательствам, распределенным между текстом, интерфейсом и информационной системой.

Свобода договора сохраняет регулятивную функцию, когда цифровая технология расширяет варианты сделки, снижает издержки согласования и точно исполняет выбранные условия. Ограничение возникает там, где код или платформа подменяет согласованное правило, скрывает значимое последствие, препятствует использованию установленного законом права либо предоставляет одной стороне неконтролируемое полномочие изменять положение другой. Граница проходит не между бумажным и электронным договором, а между техническим способом реализации автономии и цифровой конструкцией, которая лишает участника юридически значимого выбора.

Обсуждение

Сопоставление научных позиций выявляет два масштаба оценки цифровой договорной свободы. Один подход фиксирует эволюцию самого принципа: массовая стандартизация, информационные системы и программное исполнение уменьшают значение индивидуальных переговоров, на которых строилось классическое представление о договоре. Другой сохраняет доктринальную преемственность и рассматривает новые технологии через уже известные категории добросовестности, императивной нормы, договора присоединения, слабой стороны и защиты потребителя. Расхождение относится не к применимости статьи 421 ГК РФ, а к достаточности обычного способа ее применения. Общие нормы сохраняют юридическую силу, но требуют исследования цифровой среды, поскольку текст договора больше не содержит всех факторов, определяющих возможности сторон.

Тезис о неизменности содержания договорной свободы точен применительно к юридическим правомочиям. Участник по-прежнему решает вопрос о заключении договора, контрагенте и условиях. Для описания фактического выбора этого положения недостаточно. Интерфейс заранее отбирает допустимые команды, платформа распределяет видимость предложений, а автоматическая система связывает согласие с последующей последовательностью операций. Формальная возможность отказаться от всего договора не подтверждает свободу каждого условия, если отказ исключает доступ к инфраструктуре, от которой зависит хозяйственная деятельность. Правовая оценка нуждается в соединении волевого и институционального аспектов.

Концепция слабой стороны позволяет провести соединение, но ее чрезмерное расширение способно устранить различие между гражданско-правовой защитой и общим контролем рыночного неравенства. Экономическая зависимость от платформы, недостаток технических знаний или отсутствие доступа к алгоритму сами по себе не подтверждают нарушение. Защита обоснована, когда неравенство связано с конкретным договорным правом: участник не мог получить значимую информацию, обсудить обременительное условие, предвидеть автоматическое последствие, сохранить доказательства или обжаловать решение лица, контролирующего инфраструктуру. Такой подход оставляет пространство для предпринимательского риска и одновременно препятствует использованию технологии как средства исключения ответственности.

Платформенная модель обостряет вопрос о границе частного регулирования. Оператор вправе устанавливать правила сервиса, поскольку без стандартизации невозможно организовать одновременное взаимодействие большого числа пользователей. Те же правила определяют доступ к рынку, распределение заказов, размер платежей и последствия нарушений. Договор перестает выполнять только функцию обмена между сторонами и становится средством организации цифровой среды. Отсюда возникает потребность в императивных требованиях к содержанию соглашений, срокам изменения и способам обжалования, хотя конкретная коммерческая модель остается предметом частного усмотрения.

Принятый закон о платформенной экономике подтверждает переход от контроля отдельных несправедливых

условий к процедурному ограничению власти оператора. Законодатель не устанавливает единый размер комиссии, универсальный рейтинг или обязательный способ продвижения. Регулируются раскрытие условий, предварительное уведомление и рассмотрение жалоб. Такая конструкция меньше вмешивается в экономическое содержание договора, чем прямое нормирование цены, но делает частное решение предсказуемым и оспоримым. Ее фактическая результативность может быть оценена после вступления закона в силу и накопления практики по спорам между платформами, партнерами и владельцами пунктов выдачи.

Специальное платформенное регулирование не охватывает все цифровые договоры. Электронные сервисы, информационные системы закрытого типа, децентрализованные приложения и ресурсы, через которые владелец реализует собственные товары или услуги, могут строиться по иной модели. Применение выводов о платформенной зависимости требует установить посредническую функцию, контроль над инфраструктурой и способность оператора влиять на отношения между самостоятельными участниками. Формальное наличие сайта или мобильного приложения таких признаков не создает.

Исследования электронных сделок расходятся в оценке того, где возникает основной риск. Акцент на волеизъявлении направляет анализ к идентификации лица, форме документа и подтверждению акцепта. Обращение к волеобразованию переносит внимание на полноту сведений, структуру интерфейса и доступность альтернатив. Первая линия обеспечивает определенность оборота, вторая защищает осмысленность выбора. Приоритет одного критерия создает перекос: усложнение идентификации затрудняет массовые сделки, а признание любого технически зафиксированного действия достаточным позволяет конструировать согласие через малозаметные или неоднозначные элементы интерфейса. Их сочетание требует пропорциональной проверки, зависящей от стоимости, длительности и последствий сделки.

Дискуссия о смарт-контракте также отражает различие объектов анализа. Определение его как договора подчеркивает юридическую связь сторон, квалификация как программного средства описывает способ исполнения, а понимание в качестве специальной конструкции соединяет оба элемента. Эти подходы совместимы после разделения соглашения и кода. Программный модуль не выражает весь объем правоотношения, поскольку за его пределами остаются вопросы действительности, толкования, ответственности, изменения обстоятельств и защиты права. Одновременно код не является нейтральной формой записи: он исключает отклонение от заданного сценария и может исполнить ошибочно формализованное условие.

Право на изменение или прекращение смарт-контракта нельзя отождествлять с возможностью удалить запись в распределенном реестре. Юридическое отношение и техническое состояние системы могут изменяться разными операциями. Из этого вытекает потребность заранее согласовывать корректирующие механизмы, но отсутствие программной функции отмены не лишает сторону гражданско-правовых способов защиты. Ограничение состоит в том, что последующая денежная компенсация или обратная транзакция не всегда восстанавливает то положение, которое существовало до автоматического исполнения. Для отдельных объектов значимы скорость операции, изменение рыночной стоимости и передача актива третьему лицу.

Предложенная классификация позволяет отделить основание ограничения от его технической реализации. Императивный запрет может исполняться автоматически, но остается нормативным по происхождению. Договорное условие может быть выражено кодом, не превращаясь в законодательное предписание. Ошибка программы способна фактически заблокировать действие без правового основания. Это разграничение влияет на выбор ответчика, распределение доказательственной обязанности и способ восстановления: оспаривание нормы, контроль договорного условия, требование к оператору либо ответственность за ненадлежащее техническое исполнение относятся к разным правовым ситуациям.

Критерий прозрачности требует дальнейшей конкретизации для отдельных цифровых отношений. Пользователю нужен доступ к юридически значимому правилу, но полное раскрытие алгоритма может затронуть безопасность, права разработчика и коммерческую тайну. Универсальная обязанность публиковать исходный код не соответствует разнообразию систем. Более точным представляется функциональное раскрытие, при котором участник получает сведения о примененном условии, данных, существенных факторах решения и процедуре пересмотра. Объем раскрытия увеличивается, если автоматическая мера прекращает доступ к имуществу, доходу или значимой цифровой инфраструктуре.

Исследовательская лакуна сохраняется в определении доказательственного статуса интерфейса и версии программных правил. Текст соглашения может храниться у оператора, пользователь располагает лишь сообщением о совершенной операции, а внешний вид сервиса обновляется без архивирования каждого экрана. Договорное право дает критерии заключения и толкования, но единообразная практика фиксации цифрового контекста пока не сформирована. Аналогичная неопределенность относится к распределению риска ошибочных внешних данных, на основании которых автоматическая система инициировала исполнение.

Ограничение полученных положений связано с неоднородностью цифровых моделей. Массовая потребительская платформа, профессиональная торговая система и децентрализованный смарт-контракт различаются по субъектному составу, технологии и уровню переговорных возможностей. Общая классификация описывает источник и механизм воздействия, но интенсивность защиты устанавливается применительно к конкретному договору. Российская нормативная модель также не позволяет без дополнительного сравнительного анализа переносить выводы на иностранные платформы и трансграничные сделки, подчиненные другому праву.

Заключение

Содержание договорной свободы сохраняется при электронной форме сделки и автоматизированном исполнении, однако способы ее осуществления распределяются между текстом договора, интерфейсом, правилами информационной системы и программным кодом. Статьи 1, 10, 421, 422 и 428 ГК РФ применимы к цифровым отношениям, если правовая оценка охватывает условия формирования воли, техническую фиксацию акцепта и порядок исполнения. Формальное наличие возможности отказаться от договора не подтверждает свободу выбора, когда другая сторона контролирует перечень доступных действий и скрывает юридически значимые последствия.

Цифровые пределы договорной автономии классифицированы по трем основаниям. По источнику они подразделяются на нормативные, платформенно-договорные и технологические, по механизму действия – на запретительные, стандартизирующие, информационные, конфигурационные, автоматические и односторонние платформенные, по охраняемому интересу – на ограничения, защищающие участника, контрагента, третьих лиц и публично значимые блага. Допустимость конкретного ограничения определяется наличием юридического основания,

доступностью условия до выражения согласия, доказуемостью волеизъявления, соразмерностью воздействия и возможностью пересмотра либо компенсационного восстановления права.

Применение гражданско-правовых способов защиты к платформенным и автоматизированным договорам требует реконструкции цифрового контекста сделки. Оцениваются редакция условий, структура юридически значимых действий, уведомления, технические записи и правила формирования спорного последствия. В смарт-контракте разграничиваются соглашение, программное условие и операция исполнения, поэтому необратимость записи не исключает изменения правоотношения и применения последствий нарушения. Федеральный закон № 289-ФЗ развивает процедурные пределы частной власти платформы через обязательное содержание договоров, предварительное уведомление об изменениях и встроенное обжалование решений оператора.

Литература

1. Болдырев В. А., Максимов В. А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 118–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129.
2. Волос А. А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3. С. 84–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.84.105.
3. Волос А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 254–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-254-273.
4. Жевняк О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96–127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
5. Кузнецова С. С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 134–149. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134-149.
6. Матвеева Е. Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6 (273). С. 97–104.
7. Петрова Д. С. Специфика заключения договоров на цифровых платформах: волеобразование и волеизъявление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2025. Т. 69, № 3. С. 434–443.
8. Савельева Т. А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 1058–1086. DOI: 10.21202/jdtl.2023.46.
9. Сергеева О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 23–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.23.50.
10. Шатковская Т. В., Евстафьева А. А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94.

Contractual freedom and its limits in the context of digitalization of civil law relations

Vetrova Yu.S.

Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk

The digital environment has changed the methods of agreeing, recording, and enforcing contractual terms, transferring some regulatory functions to software code, interfaces, and platform rules. This article examines the relationship between contractual freedom and the legal, organizational, and technological constraints arising in e-commerce, remote transactions, and automated fulfillment of obligations. The aim of the work is to determine the criteria for the admissibility of such constraints. The article compares civil law provisions, decisions of higher courts, regulations on consumer protection, information, personal data, electronic signatures, digital financial assets, and the platform economy, as well as Russian-language scientific publications published between 2022 and 2025. Comparative, classification, and logical-analytical methods, as well as generalization and synthesis, are used. It has been established that digitalization does not negate the principle of freedom of contract, but it does change the sources of actual influence on the parties' will. A classification of restrictions based on their origin, mechanism of action, and protected interest is proposed. The permissibility of a digital restriction is linked to its transparency, legal basis, proportionality, verifiability of the expression of intent, and the availability of redress for the violated right. The results are applicable to the development of platform agreements, smart contracts, and dispute resolution regarding electronic transactions.

Keywords: freedom of contract, digital platforms, electronic transaction, smart contract, adhesion agreement, weak party, automated execution, e-commerce, digital expression of intent, limits of contractual autonomy.

References

1. Boldyrev, V. A., Maksimov, V. A. Freedom of Contract: The Evolution of a Legal Principle in the Age of Information Technology // Law Enforcement. 2025. Vol. 9, No. 2. pp. 118–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118–129.
2. Volos, A. A. The Category of "Weakness in Civil Legal Relationships" in the Context of Digitalization // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17, No. 3. pp. 84–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.84.105.
3. Volos, A. A. Freedom of Contract and Its Limits in the Digital Environment // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. Issue 2 (64). pp. 254–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-254-273.
4. Zhevnyak, O. V. Digital Platforms as a Type of Economic Market Relations and Reflection of This Aspect in the Legal Regime of Digital Platforms // Legal Research. 2023. No. 8. pp. 96–127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
5. Kuznetsova, S. S. Current Issues of Implementation and Protection of Human Rights in the Practice of Applying Smart Contract Technology // Law Enforcement. 2022. Vol. 6, No. 1. Pp. 134–149. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134–149.
6. Matveeva E. Yu. Legal Nature of Smart Contracts // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 6 (273). Pp. 97–104.
7. Petrova D. S. Specifics of Concluding Contracts on Digital Platforms: Will Formation and Expression of Will // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2025. Vol. 69, No. 3. Pp. 434–443.
8. Savelyeva T. A. Remote Methods of Concluding Transactions Using Digital Technologies // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, No. 4. pp. 1058–1086. DOI: 10.21202/jdtl.2023.46.
9. Sergeeva, O. V. “E-Commerce in the Architecture of Regulatory Framework: Finding a Balance of Interests” // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17, No. 2. pp. 23–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.23.50.
10. Shatkovskaya, T. V., Evstafieva, A. A. “Legal Regulation of Amendments and Termination of Smart Contracts under Russian Law” // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. No. 2. pp. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94.